

К вопросу о «тайваньской культурной идентичности»

© 2014

А. Каимова

Объектом рассмотрения данной статьи является «тайваньская культурная идентичность» и понятие «тайваньской культуры» в ее противопоставлении культуре китайской. Характеризуются основные черты тайваньской культуры, позволяющие, прежде всего, представителям тайваньских националистов провозглашать ее уникальность в сравнении с культурой противоположного берега Тайваньского пролива.

Ключевые слова: «тайваньская идентичность», «тайваньская культурная идентичность», тайваньская культура, Движение за независимость Тайваня, отношения между берегами Тайваньского пролива.

Отношения между двумя берегами Тайваньского пролива уже на протяжении более чем полувека являются одной из ключевых геополитических проблем Азиатско-Тихоокеанского региона. Мирное объединение материкового Китая и Тайваня неизменно провозглашается одной из основных задач, стоящих перед правительством Китайской Народной Республики (КНР). За последние 25 лет отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива прошли путь от напряженной конфронтации к активизации контактов как на официальном, так и на низовом уровне и сегодня находятся, пожалуй, в наилучшем состоянии за всю свою историю. Об этом, в частности, свидетельствует заявление о готовности КНР обсуждать подписание мирного соглашения с Китайской Республикой (КР), сделанное председателем КПК Ху Цзиньтао на прошедшем в ноябре 2012 года XVIII съезде КПК¹.

В ответ на это президент КР Ма Инцзю заявил, что в настоящее время у тайваньской общественности «имеется множество сомнений относительно «подписания мирного соглашения между двумя берегами Тайваньского пролива»². Президент КР постоянно подчеркивает необходимость учитывать общественное мнение жителей Тайваня, одной из важных составляющих которого является вопрос о так называемой «тайваньской идентичности», под которой чаще всего подразумевается идентификация жителями Тайваня себя в качестве «тайваньцев», а не «китайцев» и ограничение ими своего «воображаемого сообщества» рамками самого Тайваня и ряда мелких островов, на-

Каимова Анна Сергеевна, старший преподаватель Кафедры истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: annansja@yahoo.com.hk.

ходящихся под юрисдикцией КР³. Наличие у значительной части острова подобного особого «тайваньского сознания» воспринимается как одно из препятствий к будущему объединению Тайваня и материкового Китая и поэтому категорически отрицается официальным Пекином. Однако актуальность данной проблемы, крайне мало изученной в отечественной историографии, не подлежит сомнению большинства тайваньских и западных исследователей.

Автор данной статьи ставит своей целью рассмотреть одну из ключевых составляющих проблемы «тайваньской идентичности», а именно вопрос о «культурной идентичности» тайваньцев и о постулируемой пропагандистами «тайваньской идентичности» особой тайваньской культуре, противопоставляемой ими культуре китайской.

Вопрос о времени возникновения «тайваньской идентичности» волнует многих исследователей. Некоторые из них полагают, что «тайваньское самосознание» у жителей острова пробудилось в ходе борьбы с японским колониальным господством в 1895–1945 гг., другие прослеживают истоки данного явления в еще более раннем периоде, а именно во время пребывания острова в качестве территории империи Цин⁴. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что «тайваньская идентичность» на начальном этапе своего существования формировалась как противопоставление и отрицание «китайской идентичности», насаждаемой гоминьдановским правительством сверху после 1949 г.⁵. Осознание того, что большая часть жителей острова являются этническими китайцами, приводило к необходимости поиска особых черт тайваньской культуры, которые бы позволили говорить об ее уникальности в сравнении с китайской культурой и о базирующемся на ней особом «тайваньском самосознании».

Проблема определения культурного своеобразия и «этнического характера» жителей острова, а также факторов, повлиявших на его формирование, стала волновать научную общественность начиная с конца 1980-х—начала 1990-х годов, когда в результате демократизации политической системы Тайваня стало возможным в принципе обсуждение подобных вопросов⁶. Первые попытки рассмотрения данной проблемы велись в традиционном ключе отнесения тайваньцев к единой китайской нации. Так, например, в книге «Теория тайваньцев» журналист Сюй Цзунмао трактует особенности «этнического характера» жителей острова, практически причисляя их к обитателям китайской провинции Фуцзянь. Для него тайваньцы обладают отличительными чертами характера так же, как и жители других провинций Китая — таких, как Гуандун, Хунань, Чжэцзян и т.д. То есть Сюй Цзунмао воспринимает «тайваньскую идентичность» как локальную, не считая тайваньцев нацией, отличной от китайской⁷. Тот факт, что тайваньцы представляют собой общество эмигрантов, которое, как видно на примерах других стран, вполне может превратиться в самостоятельную нацию, воспринимается им, наоборот, как подтверждение китайских корней жителей острова, поскольку, по его мнению, миграция ханьцев на Тайвань отличается от других миграций тем, что «ханьцы переселялись на Тайвань не с целью отказаться от того, что у них было, а для того, чтобы сохранить структуру и форму своей первоначальной жизни»⁸. Те традиции, которые они привезли с собой, как считает автор, сохраняются практически в неизменном виде на Тайване до сих пор⁹. В качестве наиболее примечательных фигур, оказавших наибольшее влияние на развитие тайваньской истории, он называет Чжэн Чэнгуна и Чан Кайши¹⁰. Сюй пишет, что «несмотря на то, что у всех жителей Тайваня разные фамилии, однако они все считают себя потомками Чжэн Чэнгуна»; о месте основателя клана Чжэнов в сердцах тайваньцев свидетельствуют более сотни храмов, построенных в его честь по всему острову¹¹. Что касается Чан Кайши, то Сюй считает, что его мемориальный комплекс является строением с самым богатым «историческим содержанием» в Тайбэе¹². Однако, по мнению автора, Тайвань и его жители не сумели сохранить наследие этих исторических персонажей. Он оценивает «этнический характер» тайваньцев довольно скептически, считая основными его признаками «культуру тра-

гичности», «страх подвергнуться предательству», превалирование «этнического сознания»¹³ в качестве основного фактора политической жизни, «ужас перед реальным Китаем», «гордость и самодовольство в отношении своих условий жизни»¹⁴.

Совершенно иной взгляд на данную проблему представляют активисты движения за независимость Тайваня, которые в ответ на заявления КПК о суверенитете КНР над Тайванем, опирающиеся на факты из истории, культуры и международной политики, использовали те же исторические, культурные и международно-правовые аргументы, чтобы доказать, что Тайвань не принадлежит Китаю, что тайваньская культура отлична от китайской, и даже превосходит ее. В прошлом председатель Ассоциации профессоров Тайваня¹⁵, видный тайваньский историк Чжэн Циньжэнь в ряде своих статей за последние 20 с лишним лет, опубликованных в сборнике «Теория тайваньского государства: историко-культурное сознание и формирование гражданского самосознания», подчеркивая важность культуры для формирования «национальной идентичности», отмечает, что «культурное сознание должно быть поднято до уровня гражданского самосознания, тем самым став вершиной идентификации с государством»¹⁶.

В литературе можно найти несколько факторов определения «тайваньской идентичности», основными из которых являются китайская (ханьская) культура и культура аборигенных племен¹⁷, островное положение Тайваня, влияние всех государств, когда-либо колонизировавших Тайвань (Испания, Голландия, Япония), а также роль глобализации и распространения западной культуры и ценностей (прежде всего в результате тесных связей между Китайской Республикой и США). Упомянутый выше Чжэн Циньжэнь также называет «плюралистичность» одной из главных особенностей тайваньской культуры, которая помимо культуры ханьцев (представляющей из себя так называемые «старые традиции») включает в себя и черты культур других «рас» (*чжунцзу*), постепенно инкорпорировавшиеся в культуру острова и составившие ее «новые традиции»¹⁸.

Некоторые наиболее ярые сторонники движения за независимость Тайваня и отрицания каких-либо связей между Тайванем и Китаем считают, что «определение национальной идентичности на основании культуры только одного этноса [то есть ханьского] является неуважением по отношению к национальным меньшинствам [то есть к аборигенным племенам]»¹⁹, и стремятся доказать существенную роль культуры аборигенных племен в формировании «тайваньской идентичности». Так, например, тайваньский писатель У Цзиньфа в одной из своих статей отмечает, что «местом происхождения австронезийских племен является Тайвань», а также что, по свидетельствам археологических исследований, «история их существования на Тайване насчитывает более шести с половиной тысяч лет», что «гораздо дольше, чем история в пять тысяч лет» ханьской нации, провозглашаемая Китаем²⁰. Схожей точки зрения придерживается У Мича, который полагает, что «четко выразить, что Тайвань отличается от Китая, возможно только при условии полноценного включения аборигенного фактора»²¹. Подобные умозаключения относятся скорее к сфере популистских политизированных лозунгов и не встречаются у наиболее авторитетных исследователей. Но все же не случаен тот факт, что повышенный интерес к истории и культуре аборигенных племен, выражаемый в проведении посвященных им многочисленных выставок, семинаров, концертов и других мероприятий, а также мода среди тайваньцев на поиск аборигенных корней в своих родословных проявились именно в первые годы нынешнего века, когда у власти находилась партия Демократическая прогрессивная партия (ДПП), известная как главный носитель идеи независимости Тайваня.

Иная позиция, имеющая лучшее подкрепление в виде исторических источников и распространенная в среде большинства тайваньских националистов, подчеркивает историко-культурные различия с Китаем, при этом не отрицая факта, что подавляющая часть населения по обе стороны Тайваньского пролива имеет общее этническое происхождение²². Цитируемый выше историк Чжэн Циньжэнь, называя Тайвань «многонаци-

ональным государством», считает, что концепции вроде «Мы все потомки Желтого императора» или «потомки Огненного и Желтого императоров» (*Янь Хуан цысунь*), насаждаемые партией Гоминьдан на острове, являются несостоятельными²³.

Чжэн Циньжэнь является сторонником отнесения Тайваня к так называемой «островной (океанической) культуре» (*хайян вэньхуа*), формировавшейся на Тайване на протяжении 400 лет его письменной истории (то есть с начала массового освоения острова выходцами с материка и его колонизации западными державами — Испанией и Голландией). В данной связи Тайвань как островное, а следовательно, более открытое, общество, воспринимающее инновации и прогресс из внешнего мира, противопоставляется материковому Китаю, который символизирует консервативность и косность. Как подчеркивают сторонники этой концепции, Тайвань начиная с XVII в. непрерывно находился под управлением иностранных держав (в число которых наряду с Испанией, Голландией и Японией включается также и КР), тем самым «тайваньская культура» испытала на себе влияние всех перечисленных стран. Как отмечает в одной из своих статей известный тайваньский современный писатель из хакка²⁴ Ли Цяо, «ханьская культура является лишь одним из источников тайваньской культуры». Ли выделяет следующие признаки, которые «тайваньская культура» позаимствовала соответственно у аборигенных племен, ханьского эмигрантского общества, различных религий, распространявшихся на Тайване, а также у японцев и западных стран после Второй мировой войны: 1) «открытость», «уважение к природе», «скромность», «дальновидность и искренность», «сплоченность», «большое внимание к жизни, культуре и образованию молодежи»; 2) «эмигрантский дух», выражающийся в «готовности рисковать и терпеть бедствия» и в «горячей дружбе и взаимопомощи»; 3) «человеколюбие», «уважение к своей земле»; 4) «рационализм», «прямолинейность», «законно-правовая основа», а также «либерально-демократические убеждения», «рациональный законопорядок» и «научный подход»²⁵.

Очень поэтичное определение «островного характера» тайваньцев предлагает в своей статье еще один представитель лагеря сторонников независимости острова Чэнь Лунджи. По его словам, «в глазах народа островного государства не существует ничего, что могло бы служить препятствием, нет задач, которые невозможно было бы исполнить, весь мир представляет собой сцену, где можно проявить свои таланты»²⁶.

Особое место среди иностранных держав, когда либо управлявших Тайванем, с точки зрения их влияния на тайваньскую культуру, занимает Япония. На Тайване невооруженным глазом можно увидеть большое количество внешних проявлений этого влияния: нынешняя тайваньская молодежь очень восприимчива к различным явлениям современной японской культуры (комиксы «манга», музыка, кино, мода), японская кухня пользуется огромной популярностью, большая часть технических новшеств, вводимых на Тайване, заимствуется из Японии (по японскому образцу на острове построены метро, высокоскоростная железная дорога и т.д.), в тайваньском варианте китайского языка (и особенно в *тайюй* (южнофуцзяньском диалекте) имеется большое количество слов японского происхождения, японский язык в целом достаточно широко распространен (особенно среди пожилого поколения тайваньцев, родившихся в годы японского колониального господства и испытавших на себе значительное влияние «политики превращения в подданных императора»²⁷) и т.д.²⁸. С этой точки зрения интересна также история бейсбола, который без преувеличения можно назвать «национальным видом спорта» Тайваня. Бейсбол попал на остров в годы японского колониального господства, целью его внедрения было распространение среди тайваньцев ценностей и образа жизни метрополии. Эта игра очень быстро стала одним из основных видов досуга жителей острова, главной причиной чего, по свидетельствам исследователей данного вопроса, стала возможность для тайваньцев посредством бейсбола доказать, что они не хуже, а иногда, при условии наличия справедливых правил игры, даже лучше колонизаторов. Бейсбол продолжил играть роль «этнического символа» тайваньцев и после

передачи острова под власть КР, оставаясь одним из признаков различия между коренным населением («бэньшэнжэнями») и переселенцами («вайшэнжэнями»), поскольку игра в бейсбол как часть японского колониального наследия не приветствовалась новыми властями и сохранялась лишь в среде коренного населения острова в качестве «страстного увлечения без поддержки государства»²⁹.

Что касается влияния, оказанного Японией на формирование «этнического характера» тайваньцев, то его наличие также не подвергается сомнению. Однако оценки степени и роли данного влияния в последующем развитии Тайваня порой разнятся коренным образом. В любом исследовании или статье, затрагивающих данный вопрос, можно встретить ставшие уже шаблонными заявления, что жители острова за 50 лет существования в качестве японской колонии восприняли такие особенности населения метрополии, как любовь к порядку, к чистоте окружающей среды. Повсеместно подчеркивается, что Тайвань в это время превратился в «преклоняющееся перед законопорядком» «высокоцивилизованное» общество, которое впоследствии попало под управление «малоцивилизованного» китайского правительства³⁰. Некоторые авторы оценивают описанные выше характеристики как положительный вклад Японии в развитие Тайваня. Их мнение разделяют и многие активисты движения за независимость острова. В частности, одной из новостей, некогда всколыхнувших общественность КНР, было обращение Люй Сюлянь, занимавшей тогда пост вице-президента Тайваня, к японскому правительству, в котором она «благодарила японо-китайскую войну 1894–95 годов и Симоносекский мирный договор», что было интерпретировано как положительное восприятие передачи Тайваня под власть Японии и его изоляции от материкового Китая³¹.

Однако в лагере сторонников создания независимого тайваньского государства существует и несколько иная точка зрения на этот счет, красноречиво выраженная в статье-анонсе семинара-обсуждения книги американского антрополога Рут Бенедикт (1887–1948) «Хризантема и меч» (1946), проводимого Нью-йоркским отделением Союза тайваньских писателей, проживающих за рубежом:

Прочитав книгу «Хризантема и меч», автор считает, что подобная иерархизированная культурная модель довоенной Японии представляет собой культурную модель, при которой «подчиняющийся мне процветает, идущий мне наперекор погибает», а также культуру, в которой ценность человеческой жизни не уважается. [Жители] Тайваня в прошлом на протяжении 50 лет были покорным народом в условиях описанной выше японской культурной модели и классовой системы, введенной японцами, вели спокойную жизнь, в которой не было коррумпированных чиновников и ночью можно было не закрывать дверь. Тайваньцы за этот период также восприняли японский дух законопослушности, смиренности и усердности, однако в то же время потеряли национальное достоинство. После безоговорочной капитуляции Японии в прошлом находившиеся под ее колониальным управлением государства, например, Корея, а также оккупированные ею территории отвергли японскую культуру, в поисках собственной национальной идентичности и достоинства заняли свое место в мире. Лишь на Тайване по-прежнему многие представители интеллигенции и общественной элиты горячо тоскуют и устремляются сердцем к японской культуре и духу, позабыв об унижении пребывания в качестве людей второго сорта. Тайваньцам необходима бдительность, укрепление духа поиска утраченного Тайваня. Только в этом случае можно избежать непрерывного губительного влияния и разрушения тайваньской культуры и достоинства со стороны пришлых властей»³².

При этом следует также отметить наличие на Тайване мнения, согласно которому влияние Японии на культуру Тайваня является лишь поверхностным. По мнению цитируемого выше журналиста Сюй Цзунмао, тайваньцы лишь учились у японцев их языку и манере одеваться. Те черты японской культуры, которые были переняты тайваньцами, уже в том или ином виде были заложены в тайваньском «этническом характере»

или по крайней мере не могли вызвать «сущностного конфликта». Так, например, в сфере ведения бизнеса тайваньцы переняли способность японцев заимствовать и применять иностранные технологии, при этом способность японцев работать «круглый год без отдыха» на острове не прижилась, поскольку «противоречит традициям и убеждениям», существующим здесь³³.

Еще одним явлением, которое широко воспринимается тайваньцами как одна из составляющих особой тайваньской культуры, является влияние глобализации, «углубляющей локальность «тайваньской идентичности». В то время, как многие авторы по всему миру говорят о кризисе национальных культур под ударом глобализации, для тайваньцев включение черт «глобальной культуры» обеспечивает «продолжение существования местной тайваньской культуры»³⁴. По утверждению профессора Университета Цинхуа (Тайбэй) Ляо Бинхуэя, глобализация (*цюаньцюхуа*) и локализация (*бэньтухуа*) «вовсе не противоречат друг другу», под глобализацией имеется в виду «межрегиональное движение, в особенности циркуляция людей, капитала, технологий, образов, музыки и идей. Эти культурные формы достигают нового места, здесь переживают трансформацию, путем заимствований и развития формируют новую систему. Это и есть локализация»³⁵. Что касается Тайваня, то, по мнению многих исследователей, он был вовлечен в процесс глобализации задолго до возникновения дискуссии относительно данной тенденции в 1970–80-х гг., а именно начиная с XVII в., когда остров стал частью международных торговых отношений.

Довольно часто стремление к глобализации в качестве ведущей тенденции развития тайваньской культуры представляется в качестве альтернативы китаизации. Как подчеркивает Чжэн Циньжэнь, «в современном мире уже создана общая цивилизационная основа, поэтому целью, к которой нужно стремиться, должна быть «интернационализация» (*гоцзихуа*), а не «китаизация» (*чжунгохуа*), поскольку «восприятие различных культур извне в конце концов будет [способствовать] развитию собственной уникальной культуры». По его мнению, «становление государства на основе международного обмена» само по себе заложено в характере «островного государства», к которому относят Тайвань и об особенностях которого речь шла выше. «Впитывание иностранных культур» является «движущей силой культурного развития» подобного государства³⁶.

Еще одним важным элементом «тайваньской культурной идентичности», которому уделяется большое внимание со стороны политических сил, выступающих за укрепление «тайваньского самосознания», является использование так называемого «тайваньского языка» (*тайюй* или *тайваньхуа*), под которым имеется в виду южнофуцзяньский диалект (*миньнаньхуа*), распространенный в основном среди представителей этнической группы хокло. Во время президентства Чэнь Шуйбяня (2000–2008) владение этим диалектом стало своего рода неофициальным критерием деления на «своих» и «чужих». Неся на себе исторический багаж «первородного греха», многие политики из числа «вайшэнжэней» стали вынуждены доказывать свою принадлежность к большинству, демонстрируя умение разговаривать на *тайюй* для получения голосов избирателей. В противном случае они могли подвергнуться нападкам со стороны «зеленого» лагеря за «безразличие к тенденциям тайванизации» или даже за «непатриотичность»³⁷. Выходцев с материка в целом обвиняли в том, что они «питаются тайваньским рисом, пьют тайваньскую воду, живут на тайваньской земле, но не знают тайваньский язык»³⁸.

Следует отметить, что выделение одного из диалектов острова в качестве главного вызывало недовольство не только со стороны «вайшэнжэней», но и других этнических групп острова, прежде всего хакка³⁹. Например, существуют свидетельства, что представители хакка, вступающие в ДПП, должны были признать, что южнофуцзяньский диалект — это и есть «тайваньский язык»⁴⁰. Дискуссии по этому поводу можно было встретить не только на политическом уровне, но и в бытовой среде. Так, например, один из участников беседы в «фокусной группе», проводимой в рамках исследовательск-

ого проекта Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня (правительства) КР и Центра исследований выборов Университета Чжэнчжи, вспоминает свой диалог с водителем такси, который требовал от него говорить на «тайваньском языке» вместо общепринятого «государственного языка», в ответ на что участник беседы стал говорить на диалекте хакка, заявив, что «хакка — это тоже тайваньцы» и диалект хакка — это «тоже тайваньский язык»⁴¹.

Политика по распространению «государственного языка», проводимая партией Гоминьдан в период действия на острове военного положения и требующая в общественных местах говорить только на «гоюй», также вызывает недовольство многих «бэньшэн-жэней». Многие вспоминают наказания или даже денежные штрафы, которым они подвергались за использование своих диалектов или за неправильное произношение слов на «государственном языке» в школе⁴².

Однако, несмотря на усилия политиков «зеленого» лагеря, направленные на популяризацию диалектов в обществе, общая тенденция такова, что современное молодое поколение тайваньцев практически не говорит на языках своих предков. Практически все участники «фокусных групп» заявили, что, если дома в беседах со старшим и средним поколением все же используется один из диалектов, то с детьми родители в основном говорят на «гоюй»⁴³. В политической же сфере, во время телефонного опроса общественного мнения, проводимого в рамках упоминаемого исследования Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня (правительства) КР и Центра исследований выборов Университета Чжэнчжи, 61,9% респондентов на вопрос о том, согласны ли они с утверждением, что «любить Тайвань означает говорить на собственном языке», ответили отрицательно⁴⁴.

В целом нельзя отрицать того факта, что тайваньская культура и образ жизни действительно отличаются от материкового Китая. Это может почувствовать любой человек, имеющий тесные контакты с жителями двух берегов Тайваньского пролива. При этом может показаться, что данные различия не носят радикального характера и вызваны скорее лучшим экономическим положением и более высоким уровнем жизни населения Тайваня по сравнению с КНР, чем какими-то фундаментальными культурными факторами. Понятие «тайваньская культура», возможно, во многом является конструктом, создаваемым искусственным образом в попытках определенных политических сил сформулировать основание для существования «тайваньской идентичности» и, соответственно, самостоятельного тайваньского государства. Можно не разделять целиком точку зрения некоторых исследователей, согласно которой в результате игнорирования «существенной составляющей колорита ханьской нации» в культуре Тайваня, основание, на котором активистами движения за независимость острова строится эта культура, становится «крайне узким», тем самым «сужается организм данной культуры, ограничивается ее жизнеспособность, творческая инициатива и потенциал к распространению в широких слоях общества»⁴⁵. Однако в то же время стремление наиболее радикальных представителей из лагеря тайваньских националистов создать образ тайваньской культуры, полностью исключив из нее китайское наследие, также вряд ли закономерно и оправданно с исторической точки зрения. Нельзя отрицать влияние, оказанное теми историческими условиями, в которых на протяжении последних 400 лет находился Тайвань, на формирование особого менталитета жителей острова. Однако степень данного влияния и его конкретное содержание подлежат дальнейшему изучению.

1. Ху Цзиньтао: сешан дачэн лянъань хэпин сеи [Ху Цзиньтао: консультации по достижению соглашения между двумя берегами Тайваньского пролива]// Агентство Синьхуа, 08.11.2012. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2012-11-08/105125536942.shtml>.

2. *Ли Чжэнсю*. Ляньань гуаньси цзоусян: гунгу сяньчжуан, хэпин фачжань [Направление развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива: укрепление статуса-кво, мирное развитие] // Фонд исследований национальной политики. 2012. 14 нояб. URL: <http://www.npf.org.tw/post/1/11614>.
3. При этом конкретное содержание данного понятия отличается у разных исследователей, которые под «тайваньской идентичностью» могут подразумевать идентичность «национальную» (*миньцзу жэньтун*), «государственную» (*гоцзя жэньтун*), «национально-государственную» (*гоцзу жэньтун*), «этническую» (*цзуюнь жэньтун*). Подобные терминологические расхождения могут являться темой отдельного исследования в рамках изучения проблемы «тайваньской идентичности» и не входят в задачи автора при написании данной статьи. См.: *Каимова А.С.* Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестн. МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 2. С. 27–39.
4. В основном подобная тенденция характерна для представителей Движения за независимость Тайваня в ранний период его существования (1950–19860-е гг.). Так, например, некоторые тайваньские националисты трактуют мятеж Го Хуайи 1652 г., вызванный протестами против высоких налогов, собираемых голландской администрацией с населения острова, как «пробуждение национального самосознания тайваньцев». Такие же оценки даются и многочисленным восстаниям тайваньцев в период нахождения острова под властью империи Цин (см.: *Meisner M.* The Development of Formosan Nationalism // The China Quarterly. 963. № 15, Jul.-Sep. С. 92).
5. Политика «китаизации» и «деапонизации» населения острова началась еще в 1945 г., после того, как Тайвань был передан под управление Китайской Республики в результате поражения Японии во Второй мировой войне. В учебных заведениях и в средствах массовой информации велась активная пропаганда китайской культуры и истории, подчеркивалась принадлежность тайваньцев к единой китайской нации. Особое недовольство жителей острова вызывал запрет гоминьдановских властей на использование японского языка и южнофуцзяньского диалекта в общественных местах, где предписывалось говорить на китайском «государственном языке» (*гоюй*). «Культурный конфликт» между тайваньцами, на протяжении 50 лет японского колониального господства не имевших практически никаких контактов с материковым Китаем, и китайцами, по понятным причинам крайне подозрительно относившихся к бывшим подданным Японской империи, с которой Китай вел длительную кровопролитную войну, является одной из наиболее обсуждаемых тем в новейшей истории Тайваня и называется в качестве одного из основных факторов отчуждения между «бэньшэнжэнями» (букв. «людьми из этой провинции», предки которых переселились на Тайвань до 1945 г.) и «вайшэнжэнями» («людьми из внешних провинций», прибывшими на остров после 1945 г.) и возникновения у первых «тайваньской идентичности». После эвакуации гоминьдановского правительства на Тайвань в результате его поражения в Гражданской войне с КПК в 1949 г. остров превратился в базу для последующего возвращения ГМД на материк и уничтожения «коммунистических бандитов». В данных условиях необходимость насаждения на Тайване «китайской идентичности» стала еще более острой.
6. С 1948 по 1987 гг. на Тайване действовало военное положение, в условиях которого на острове был введен комендантский час, существовал запрет на создание новых политических партий, действовала строгая цензура и т.д. В Конституцию КР были внесены поправки, согласно которым один и тот же человек мог переизбираться на президентский пост неограниченное количество раз. Начало демократизации общественно-политической жизни острова было положено в конце 1970-х—начале 1980-х гг., что было вызвано изменением международного статуса Тайваня после передачи места КР в Совете Безопасности ООН КНР в 1971 г. и требованиями проведения либерализации политической системы острова со стороны его главного союзника — США. Однако полномасштабная демократизация развернулась в конце 1980-х гг. после смерти Цзян Цзинго (президент КР в 1978–1988 гг.) и вступления в должность президента КР Ли Дэньхуэя — первого «бэньшэнжэня» в истории Тайваня, занявшего этот пост.
7. *Сюй Цзунмао*. Тайваньжэнь лунь [Теория тайваньцев]. Тайбэй, 1993.
8. Автор имеет в виду тот факт, что наиболее массовые миграции ханьцев на Тайвань происходили в условиях завоевания Китая другими нациями (чжурчжэнями в XII в., монголами в XIII в. и маньчжурами в XVII в.) и падения китайских империй Сун, Южная Сун и Мин соответственно, когда жители прежде всего прибрежных районов страны, не желая подчиняться новым властям, часто под девизом верности павшей династии, покидали Китай и переселялись на Тайвань.
9. Там же. С. 27.

10. Чжэн Чэнгун (1624–1662) — лидер антиманьчжурской борьбы под девизом реставрации династии Мин, в 1662 г. изгнавший с Тайваня голландскую администрацию. Клан Чжэнов правил островом до 1683 г., когда внук Чжэн Чэнгуна Чжэн Кэшуан подписал указ о передаче Тайваня под власть империи Цин.
- Чан Кайши (1887–1975) — лидер партии Гоминьдан и президент Китайской Республики (КР), с 1927 г. ведший непримиримую борьбу с Коммунистической партией Китая (КПК). После поражения Гоминьдана в Гражданской войне КПК в 1949 г. правительство КР эвакуировалось на Тайвань, где Чан Кайши неизменно занимал должность президента КР вплоть до своей смерти в 1975 г.
11. *Сюй Цзунмао*. Указ. соч. С. 16, 18.
12. Там же. С. 16.
13. Под «этническим сознанием» (*цзуюнь иши*) подразумевается напряжение в отношениях между «бэньшэньжэньями» и «вайшэньжэньями», которое в настоящее время, по свидетельству многих исследователей, практически сошло на нет, однако приобретает определенную остроту в условиях политической борьбы между «синим» (партии Гоминьдан и Циньминьдан) и «зеленым» (партия Миньцзиньдан (ДПП) и Союз солидарности Тайваня) лагерями в ходе предвыборных кампаний указанных политических сил.
14. *Сюй Цзунмао*. Указ. соч. С. 77.
15. Ассоциация профессоров Тайваня (TAUP, Taiwan Association of University Professors) основана в 1990 г. с целью «объединения членов академического сообщества, прилагающих усилия к созданию независимого Тайваньского государства, для способствования политической демократии, академической свободе, социальной справедливости, экономическому равноправию, культурному развитию, защите окружающей среды и миру во всем мире». См. интернет-сайт Ассоциации. URL: <http://www.taup.net/index.php/abouttaup/getting-started>
16. *Чжэн Циньжэнь*. Тайвань гоцзя лунь: лиши вэньхуа иши юй гоминь иши дэ синчэн [Теория тайваньского государства: историко-культурное сознание и формирование национального сознания]. Тайбэй, 2009. С. 65.
17. Аборигенные племена (*юаньчжуминь*) — коренное население острова, относящееся к австронезийским (или малайско-полинезийским) племенам, которые по своим обычаям, языку и фольклору наиболее близки к коренным жителям современных Филиппин и Индонезии.
18. *Чжэн Циньжэнь*. Указ. соч. С. 24–26. Автор считает, что «новые традиции», которые развивались на протяжении последних 400 лет истории Тайваня в пределах самого острова и характерны для последних нескольких поколений его жителей, в отличие от «старых традиций», которые можно проследить лишь у далеких предков, являются особенно важными для формирования «современного государства» на Тайване.
19. *Ши Чжэнфэн*. Миньцзу цзыцзюэюань — Тайвань дули цзяньго дэ миньцзу чжуи гуаньдянь [Право наций на самоопределение — националистический взгляд на создание на Тайване независимого государства] // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши [Теория и история движения за независимость Тайваня] / под ред. Чжуан Ваньшоу. Тайбэй, 2002. С. 197. В этой же статье Ши Чжэнфэн высказывает мысль, что Тайвань должен стать государством, в котором сосуществуют две равноценные нации (ханьцы и аборигенные племена), последние не должны быть «нацией внутри нации» (Там же. С. 206).
20. *У Цзиньфа*. Вэй «Юаньчжуминь вэньсюэ чжуаньцзи» шо цзи цзюй хуа [Несколько слов к специальному выпуску журнала «Литература аборигенных племен»] // «Вэньсюэ Тайвань» [Литературный Тайвань]. Тайбэй, 2002. № 4. С. 9–10. Цит. по: *Цзян Ихуа*. Цзюю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньгун [Либерализм, национализм и государственная идентичность]. Тайбэй, 1998. С. 149.
21. *У Мича*. Пинлунь Ляо Бинхуэй чжу «Цзуюнь юй миньцзу чжуи» [Рецензия на статью Ляо Бинхуэй «Этносы и национализм»] // Тайвань миньцзу чжуи [Тайваньский национализм] / под ред. Ши Чжэнфэна. Тайбэй, 1994. С. 119. Цит. по *Цзян Ихуа*. Цзюю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньгун [Либерализм, национализм и государственная идентичность]. С. 150.
22. Так, например, Фань Вэньфан в своей статье заявляет, что смысл «декитаизации» Тайваня заключается не в том, чтобы отрицать факт китайского происхождения тайваньцев или наличия элементов китайской культуры в культуре острова, а в том, чтобы избавиться от негативных черт китайской культуры, имеющихся в тайваньской культуре с целью ее улучшения и создания независимого суверенного государства (см.: *Фань Вэньфан*. Юйянь сюэчжэ лунь Тайду [Неза-

- висимость Тайваня в рассуждениях филологов] // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши [Теория и история движения за независимость Тайваня] / под ред. Чжуан Ваньшоу. С. 178).
23. Чжэн Циньжэнь. Указ. соч. С. 64. Яньди (Огненный император) и Хуанди (Желтый император) — мифические герои, почитаемые в качестве основателей китайской нации (*Чжунхуа миньцзу*).
 24. Одна из «четырех основных этнических групп» (*сы да цзуюнь*) Тайваня наряду с хокло, «вайшэнжэнями» и аборигенными племенами. Предки большинства хакка (*кэцзяжэнь*), проживающих в настоящее время на Тайване, переселялись на остров из области Чаочжоу в современной провинции Гуандун, в отличие от хокло (*хэложэнь* или *миньнаньжэнь*), местом происхождения которых являются области Цюаньчжоу и Чжанчжоу на юге нынешней провинции Фуцзянь.
 25. Ли Цяо. Тайвань «гоцзя» дэ жэньтун цзегоу [Структура идентичности тайваньского «государства»] // Гоцзя жэньтун сюэшу яньтаохуэй луньвэньцзи [Сборник научных статей научного семинара о национальной идентичности] / под ред. Ли Хунси. Тайбэй, 1993. С. 215–226. Цит. по: Цзян Ихуа. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун [Либерализм, национализм и государственная идентичность]. С. 152.
 26. Чэнь Лунчжи. «Тайвань дэ дули юй цзяньго» — фасин саньши и нянь хоу дэ хуэйгу юй чжаньван [«Независимость Тайваня и создание государства»] — воспоминания и взгляд в будущее через 31 год после выпуска] // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши [Теория и история движения за независимость Тайваня] / под ред. Чжуан Ваньшоу. С. 85.
 27. Политика превращения в подданных императора (яп. *коминка*, кит. *хуанминьхуа*) проводилась на Тайване в 1937–1945 гг. в условиях необходимости для нужд войны Японии против Китая максимальной лояльности по отношению к метрополии жителей колонии, большинство из которых были этническими китайцами.
 28. В первые годы авторитарного правления на острове партии Гоминьдан использование японского языка даже служило своего рода способом выражения молчаливого протеста по отношению к действующей власти. Так, например, тайваньская студентка Трисия Линь в своей статье, подготовленной для конференции по истории и культуре Тайваня, проводимой в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, вспоминает, что в детстве она часто слышала, как ее отец пел песни на японском языке, тем самым выражая свои эмоции и чувства относительно подчиненного положения бэньшэнжэней после прихода к власти ГМД (см.: *Lin, Yi-Chun Tricia. Snaps of a Childhood Revisited: Music and Taiwanese Identity // Fifth Annual Conference on the History and Culture of Taiwan, University of California at Los Angeles, 2000, October, 14. URL: http://www.international.ucla.edu/cira/paper/TW_Lin.pdf*). Американский исследователь Морис Майснер, опираясь в основном на статьи журнала «Formosan Quarterly», выпускавшегося в 1960–1970-х гг. в Токио одной из организаций Движения за независимость Тайваня — Ассоциацией тайваньской молодежи (*Тайвань циннянь хуэй*), также отмечал присутствие «культурного национализма» тайваньцев в форме продолжения использования японского языка и различных японских привычек и образа жизни в быту. По заявлению Майснера, «для старшего поколения тайваньцев использование японского языка и японских традиций — это в основном дело привычки. Для молодых тайваньцев это обычно осознанная попытка утверждения своей Тайваньской идентичности» (см.: *Meisner M. The Development of Formosan Nationalism. С. 102*).
 29. *Wang Sumei. Taiwanese Baseball: A Story of Entangled Colonialism, Class, Ethnicity, and Nationalism // Journal of Sport and Social Issues. 2009. № 33. С. 360–361.*
 30. Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 89.
 31. Миньцзиньдан «Сы да тяньван» цяньлу манман [Туман на пути «четырех небесных владык» партии Миньцзиньдан] // Интернет-версия газеты «Жэньминь жибао» 09.05.2006. URL: <http://tw.people.com.cn/GB/14811/14869/4355266.html>.
 32. Кэ Цзиньинь. 5/22 Чжаохуэй шило дэ Тайвань цзиншэнь=Яньтао Жибэнь вэньхуа дуй Тайвань дэ инсян-Цзюйхуа юй цзянь [22 мая 2011 года: Дух поиска утраченного Тайваня. Обсуждение влияния японской культуры на Тайвань. «Хризантема и меч»]. URL: <http://www.taiwanus.net/news/press/2011/201105150457401581.htm>.
 33. Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 187.
 34. *Lin Yi-Chun Tricia. Snaps of a Childhood Revisited: Music and Taiwanese Identity.*

35. Ляо Бинхуэй. Бэньтухуа юй цюаньцюхуа дэ тяочжань [Вызовы локализации и глобализации]// Синь шицзи чжику луньтань [Форум мозгового центра культурно-образовательного фонда «Новый век»]. Тайбэй, 2003. № 22, 30 июня. С. 32.
36. Чжэнь Циньжэнь. Указ. соч. С. 82–83. Одной из главных ценностей мировой (а точнее, западной) цивилизации, осуществленной на Тайване, считается демократия, которая по мнению многих авторов, должна стать культурным и объединяющим фактором «тайваньской идентичности» в целом (см.: *Lu Sherry. Taiwanese Identity: From Ethnonationalism to Civic Nationalism* // University of Toronto's Munk School of Global Affairs, 2010. 2 Febr. URL: http://webapp.mcis.utoronto.ca/ai/pdfdoc/lu_tfs.pdf).
37. Lee Wei-chin. Taiwan's "Cultural Revolution": Identity Politics and Collective Action Since 2000. Chicago: American Political Science Association, 2004. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/6/1/6/4/pages61647/p61647-1.php.
38. Цзунюнь взньти дэ тичу юй «сы да цзунюнь» хуафэнь [Постановка этнической проблемы и выделение «четырёх основных этнических групп»]. URL: <http://news.qq.com/a/20060117/001419.htm> (дата публикации: 17.01.2006)
39. Хотя распространение их диалектов также получило внимание со стороны властей. В частности, было открыто довольно большое количество передач, и даже телеканалов, вещающих на языках хокло, хакка и аборигенных племен. В школах в районах с компактным проживанием какой-либо из этнических групп увеличилось количество учебных часов для преподавания «родных языков» и т.д.
40. Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 196. Автор даже в отношении этой ситуации использует выражение «шовинизм хокло». С. 197.
41. Записи бесед в «фокусных группах» // Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэнь Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэньвэй, Чжан Явэнь. Тайвань жэньтун дэ цюань юй чжэньчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао [Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности»: доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня]. Тайбэй, 2009. С. 221. URL: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>.
42. Там же. С. 212. При этом некоторые из участников бесед в своих высказываниях даже одобряют политику ГМД по распространению «государственного языка», считая, что в противном случае хакка и хокло не понимали бы друг друга. Там же. С. 287.
43. Там же. С. 206–208, 258–259, 286.
44. Телефонные опросы общественного мнения // Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэнь Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэньвэй, Чжан Явэнь. Тайвань жэньтун дэ цюань юй чжэньчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао [Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности»: доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня]. С. 103. URL: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>.
45. Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 91.